«Как земля прогреется, собирается джиен»

Вторым по своей значимости праздником татарского народа после Сабантуя, несомненно, являлся Джиен («Җыен»). Его истоки в родоплеменных организациях тюркских народов.

Сама джиенная организация была тесно связана с историей развития больших родственных коллективов, представлявших собой группу семей, образовавшуюся в результате разрастания и деления одной большой семьи[1]. Отделившиеся семьи стремились поддерживать связь со своими родичами, оставшимися на прежней территории. В определенный период года, обычно летом, в свободное от сельскохозяйственных работ время устраивались съезды родственников. На тесную связь праздника с древними родственными отношениями указывает, прежде всего, этимология самого термина «джиен», который у татар употреблялся в значении большой семьи или объединения нескольких родственных семей, совета, встречи родичей, народного схода, мира и т. д.[2] Это подчеркивается и татарскими народными пословицами: «Җыенда ят кеше булмас» («На джиене чужих не бывает»); «Киңәшле җыен таркалмас» («Джиен, созванный предварительно по совету, не распадется»); «Уенда узган җыенда узар» («Что приемлемо в игре, приемлемо и в джиене»)[3]; «Җир җылынгач җыен җыела» («Как земля прогреется, собирается джиен»)[4].

Слово «джиен» с некоторыми фонетическими изменениями встречается у многих тюркских народов. По мнению Г. Хисамутдинова, который одним из первых дал научную трактовку этнографического феномена татар, как само слово, так и джиенный порядок организации населения пришли в край вместе с древними тюркскими племенами[5].

Благодаря исследованиям, проведенным Г. Хисамутдиновым и Н. Бургановой, выявившим более 600 сел на территории Татарстана, где многие века отмечался Джиен, удалось воссоздать прежнее значение джиенов как определенных общественно-территориальных

единиц, в первую очередь в Заказанье. Этот регион являлся классическим районом джиенов. Здесь Г. Хисамутдиновым было отмечено 30 джиенных округов[6], а Н. Бургановой — около 100 джиенов[7], каждый из которых имел свою определенную территорию и общеизвестное название.

Каждый из джиенных округов был связан родством с меньшим числом округов и населения. При большом числе джиенных округов в одном цикле с довольно сложной организацией не терялась их внутренняя структурная стройность. В таком случае сама конфедерация делилась на ряд звеньев, состоящих из нескольких округов, более тесно связанных между собой родством и порядковой последовательностью проведения джиенов. Характерна и такая историческая деталь: при организации праздников учитывалась связь джиенных округов с древними памятниками и кладбищами («Изгеләр зираты») данной территории, что сохранилось в их названиях[8]. Причем в большинстве случаев археологическим объектом, находящимся возле центра джиена, оказывалось булгарское селение или кладбище. На основе анализа лексики более 100 наименований джиенов, ежегодно проводимых в одно и то же время и в определенной последовательности в двух географических районах — Предкамье и Предволжье, Н. Бурганова отмечала, что «система джиенной организации татар имеет тесную связь с археологическими памятниками волжских булгар XII-XIV вв. На территории размещения почти каждого джиена известны четко датируемые памятники: селище (преимущественно), кладбище булгар-мусульман и городище. Среди татарского населения особо почитаемыми являются те археологические объекты, которые находятся возле центра джиена, в большинстве случаев ими оказываются булгарские селища или кладбища»[9].

Уточним время проведения Джиена. Ответ на этот вопрос может дать прежде всего анализ проведения летних обрядов. Так, из 100 джиенов, имеющих указание времени их фиксации, 13 были проведены в мае, 23 — в начале июня, 19 — в середине июня, 38 — в конце июня и 6 — в начале июля.

Главные же, то есть конфедерационные джиены, проводились, как правило, именно в последнюю неделю июня — в дни летнего солнцестояния. Об этом свидетельствуют, в частности, воспоминания писателя Карима Амири о «Кайпан җыены» Татышлинского района Башкортостана, написанные в 1947 г., а также знатока народных обычаев из Заинска Г. Марданшина о «Шәнгәле җыены»[10]. В статьях Г. Марданшина речь идет о проводимых в свое время джиенах в Нижнекамском, Сармановском, Заинском и Тукаевском районах. Также об этом исследователя информировали Р. Алкина (Апастово), Ф. Галиуллин (Буинск), Д. Гарифуллин (Сарманово) и Р. Кариева (Атня), причем последняя свидетельствует о проведении еще в 60-70-е гг. в селе Яна Кырлай (Тукай Кырлай) Атнинского района и «Джиена 17-ти часов»[11].

«Джиен 17-ти часов» («17 сәгать бәйрәме»), означающий самый длинный день в году, на татарском языке звучащий как «Олы көн җыены», проводился в этом селе издавна и имел еще название «Кырлай җыены» или «Ийәбаш җыены»[12]. Ввиду того что информация о «Джиене 17-ти часов» не вводилась в научный оборот, приведем рассказ Р. Кариевой в переводе на русский язык. «Этот праздник проводился не по кровному, а духовному родству, приуроченный к летнему солнцестоянию, когда долгота дня превышала 17 часов. Это был период цветения, в целом расцвета природы. Гости собирались у хозяина около 10 часов утра. После чаепития все выходили на лоно природы, на лесную поляну неподалеку от речки, с самоварами, казанами-котлами, с яствами, и это называлось “сәйран чыгу”. Поляна, где проводился Джиен, накрывалась паласами, скатертями. Празднование продолжалось весь день. Участники Джиена собирали цветы, лечебные травы. Вечером организовывалась “Баня 17-ти часов”, где обливались водой, настоянной на собранных днем травах. После чего расходились по домам»[13].

Как отмечает Ф. Баязитова, праздник «Оло көн» был особенно распространен у татар-кряшен, пермских татар и татар-мишар, а также у чувашей, марийцев и казахов[14]. Обращает на себя внимание, что «Олы көн җыены» сохранился в ряде мест проживания татар и по сей

день. Например, этот праздник традиционно отмечается в татарских аулах Ильчебага и Саургачи Усть-Ишимского района Омской области. Он проходит в виде джиенов-сабантуев с играми и развлечениями[15].

Об отдельных ритуалах этого праздника имеются сообщения информаторов. Судя по ним, в день «Олы көн» первого гостя сажали на подушку, гостям преподносили вареные яйца — символ пожелания хорошего урожая и защиты от напастей — пожаров, проходили молодежно-девичьи игры, что характерно для летних праздников и других народов мира.

Н. Бурганова писала также о существовании в исследованных ею регионах праздников «Олы болын җыены», «Олы кыр җыены»[16]. Нельзя не обратить внимание и на приводимые Ф. Баязитовой данные о бытовании специальных молений («кыр келәве») и пожертвований («кыр корбаны»)[17] на поле. В двухтомном словаре гидронимов Татарстана, где обобщены материалы проведенных в 1972-1983 гг. и 1984-1988 гг. топонимических экспедиций Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, приводится более 70 названий рек, ручейков, родников, озер и болот, среди которых, к примеру, есть и отмеченный выше «Олы болын күле» (Озеро большого луга)[18], а также «Олы үзән» (Большая поляна)[19], «Олы әйрән күле» (Большое озеро айран)[20]. Айран и катык, молоко и кашу древние тюрки преподносили в дар верховному божеству — Солнцу. Как отмечается, например, в древнетюркском словаре: «Aslari ersâr aditja garχga stit ügrâ — что касается их [жертвенных] яств, [то] планете Солнце [подобает] молоко и каша»[21].

Со словом «оло» связаны и другие топононимические названия, такие как «Олы корбан сазы» (Болото — место жертвоприношения Солнцу), «Олы нарат сазы» (Болото большой ели), «Олы койы (чишмә)» (Большой колодец (родник))[22], «Олы юл чишмәсе» (Родник большой дороги)[23], «Олы тау күле» (Озеро большой горы)[24] и др. Не исключено, что они первоначально могли быть названиями соответствующих джиенов с приношениями жертв, по представлениям пращуров, хозяевам указанных мест. Эти предположения в некоторой степени подтверждаются тем, что слово «оло»[25] («олы»), которое в современном понимании однозначно воспринимается как «большой», в древности имело несколько другое значение, а именно, как отмечается в древнетюркском словаре, «совершение обряда», «поклонение». Вот характерный пример: «Bir j'ilqa jeti jemki (jemââki ?) olursuq tőrü bar erti — было правило: совершение в году обряда, связанного с принятием семи видов (?) пищи»[26]. К тому же если учесть, что у древних тюрков слово «көн» («kirn») имело основное значение «солнце»[27], то приведенные выше обряды можно назвать «Кояшка табыну йоласы» — «Обряд поклонения Солнцу».

К обряду поклонения Солнцу близок и Джиен «Ут бәйрәме» (Праздник огня), который справлялся населением д. Большой Турмы (Олы Торма) Тетюшского района. По свидетельству Н. Бургановой, в определенное время года жители деревни отправлялись в лес за огнем. Там они находили сухой (высохший) дуб, совместно рубили его топорами, из этих дров добывали огонь и в специальных посудах приносили домой. Заметим, что, как и в праздниках у многих народов мира[28], в Джиене, да и в Сабантуе, Нардугане, издавна существовал обычай разжигать костры, прыгать через них, запрет плевать на огонь и т. д., что также первоначально было связано с поверьями об очистительной, целебной, охранительной и возрождающей силе огня[29]. Обряд добывания нового огня существовал и у чувашей[30], удмуртов[31], карачаевцев, балкарцев[32].

Рассмотрим ряд джиенов, связанных с культом предков. Это, например, «Әҗеуар җыйыны», проводившийся в д. Максабаш в июне. «Әҗеуар» означает «место отцов-дедов», т. е. предков. По мнению Н. Бургановой, этот обряд является булгарским наследием[33]. К таким же торжествам исследователь относила «Әйшә җыены», который праздновался в конце июня, «Наласа җыены», «Кызыл йар (җар) җыены», имевший также название «Җөлби җыены»; «Сасмак җыены», «Сәрдә җыены» («Кушлауч Җыены»)[34], «Чабыр җыены» и др. Так, местность «Чабыр тавы» — гора Чабыр — среди населения считалась священной («изге җир»), а праздник Чабыр являлся самым популярным и

почитаемым («Газиз чабыр», «Изге чабыр») праздником во всей округе[35]. В этой связи следует особо подчеркнуть, что местом проведения джиенов, где это было возможно, избирались возвышенности и горы, что находило отражение и в их названиях: «Калатау уйын җыены», «Каравыл тавы», «Тау уен җыены», «Биктау», «Казан тавы җыены»[36] и др. Причем исследователи, опираясь на археологические сведения, предполагают, что ряд отмеченных джиенов, проводившихся на возвышенности, был связан с древними укреплениями, феодально-княжескими центрами: «Казан Тау», «Кирмән», «Кушкапка»[37] и др. Название Кушкапка, по мнению респондента Р. Алкиной, могло означать защитное укрепление в виде ворот у сдвоенного холма: деревни Н. Балтай, Ср. Балтай и В. Балтай окружены холмами[38].

«Изгеләр ашы» (Яство Святых) — так называется праздник, вот уже много веков проводимый у склона «Изгеләр тавы» (гора Святых) в селе Иске Арыш Рыбнослободского района Татарстана. Начинается праздник в пятницу совершением по тенгрианскому обычаю жертвоприношения в честь духов семейных предков у старинного кладбища святых и чтением мусульманских молитв. Затем всем селом поднимаются на гору Святых, что неподалеку от горы Шалкан, как сообщил автору этих строк известный поэт Р. Ахметзян. Там пришедшие угощаются яствами святых, которые в больших казанах-котлах готовят у самого берега только мужчины села[39]. По-видимому, первоначально одновременно устраивались и жертвоприношения земле и хозяину горы, каковым представлялся им пращур, что было характерно для тюркских племен[40]. По сообщению другого респондента председателя Балаклы-Чукаевского совета сельского населения Рыбнослободского района А. Нурутдиновой, этот древний обряд в последние годы оживает в селе Балыклы-Чукаеве того же района. «Изгеләр ашы» проводится в пятницу в июне после Сабантуя на лугу у родника Святых. Там собираются жители Балыклы-Чукаева, окрестных деревень, многочисленные гости. Никто не приходит с пустыми руками: кто приводит жертвенного барана, кто приносит курицу, кто крупу, яйца, другие продукты. Из этого в казане варится «Изгеләр ашы» («яство Святых»). Суп едят, расположившись на лугу семьями, родами, передают его и для отсутствующих односельчан, родичей. Празднество открывается проповедью. Читается полуденный намаз. Далее собравшиеся, отведав обрядовой пищи и возблагодарив Аллаха, расходятся по домам[41].

Как отмечается в исследованиях историков-востоковедов, такой обряд существовал еще у древних тюрок в IV-VI вв. и был заимствован у них китайцами. Это нашло отражение в их календарных обрядах, в данном случае проводимых также в день летнего солнцестояния[42].

В названиях джиенов в значительной степени отражена земледельческая обрядность, связанная со сбором плодов, ягод — «Чәчәк бәйрәме» (Праздник цветов), «Җиләк бәйрәме» (Праздник ягод), «Җуа (юа) атнасы» (Неделя сбора лесного, дикого лука) — и целебных трав (по поверью считалось, что в период летнего солнцестояния травы приобретали чудодейственную силу). В этой связи представляют интерес сведения А. Тимергалина о бытовании у татар праздника «Җәйге нардуган» (Летний нардуган), справляемого 22-25 июня в дни летнего солнцестояния. В качестве жертвоприношений в воду спускалось 77 видов трав и цветов, т. е. проводился праздник цветов. Период с 22 по 25 июня известен и как «Неделя почитания природы» («Табигатьне аяу атнасы»)[43]. Многие обряды этого периода были связаны с сенокосом, началом уборки выращенного урожая и заготовки продуктов к зиме.

Заслуживает внимание и тезис о том, что джиены доносят до нас следы хозяйственной деятельности древнего населения края. Это подтверждается наличием в названиях джиенов элементов земледельческой обрядности. Причем обряды первоначально носили культовый характер и были связаны с жертвоприношениями духам земли, воды, леса и т. д., определяемыми в этнографических исследованиях как обряды из низшей мифологии[44].

В данной связи интерес представляет «Урман җыены» (Джиен леса), другое название которого «Урман җигү»

(Запрягать лес). Н. Бурганова происхождение этого Джиена связывала с обрядом в честь ожидаемого урожая[45]. Она исходила из того факта, что в марийском языке «урман» первоначально означал «обычай, обряд», «ага-урман» — «божество, охраняющее посевы», «агарман» — «мольбище». Во время джиенов практиковалось проведение больших базаров-ярмарок, например, «Җөзән җыены», «Байтирәк җыены», «Имән базары»[46].

По мнению Г. Хисамутдинова, джиены проводились ежегодно с конца мая или начала июня и до сенокоса в строгой, традиционно сложившейся последовательности от четырех до шести и семи недель[47]. Н. Бурганова на основе обобщения результатов своих многолетних экспедиций отмечала, что джиены продолжались «даже до самой уборки урожая»[48]. На наш взгляд, в древности они могли длиться вплоть до осеннего равноденствия.

Есть все основания полагать, что первоначально основная часть праздника Джиен соответствовала, как и у древних народов, дате летнего солнцестояния и была неразрывно связана с представлениями о середине годового пути Солнца, о границе между первой и второй половиной года, знаменуя собой переход от весеннего цветения к осеннему увяданию[49].

Конечно, лейтмотивы обычаев и обрядов, приспосабливаемые к историческим переменам, видоизменялись или даже исчезали вовсе. Несомненно и то, что со временем отдельные компоненты праздника как бы отошли на второй план или стерлись вообще. А вот обряды, связанные с родственными узами татар как одной большой семьи, со встречей родственников из своего и соседних сел, посещением могил и древних поселений предков, торжества и обряды, связанные с продолжением рода, обряды, посвященные общению человека с природой, заготовке продуктов на зиму, сохранялись многие века.

На протяжении столетий джиены играли большую роль в брачных отношениях татар. Во время Джиена зачастую происходило первое знакомство молодых, имели место случаи похищения невест, а первый день Джиена был посвящен «килен төшерү» — переезду молодой жены, жившей до этого в доме родителей, в дом мужа. Джиены были богаты на различные игры молодежи. Здесь, в отличие от Сабантуя, бытовало свободное общение женщин с мужчинами. Как игры молодежи, проводились джиены «Кече Биктау», «Оло кыр», «Шуман уйын җыйыны», «Тазлар Каршы», «Калатау уйын җыйыны», «Бирнә җыйыны» или «Катык җыйыны».

Игры устраивались в строго определенном месте: в лесу, на лугу, в урочищах, на вершине холма, у берега реки. Так, во время «Бырыс җыйыны» игры проводились у села Татарский Янтык на берегу речки Брыски. Они начинались своеобразным обрядом: молодежь двух соседних деревень шла навстречу друг другу с песней «Бырыс көе», после рукопожатий молодежь каждой деревни отходила на свое место игры[50]. Вот эта семейная сторона праздника и стала причиной гонений на него консервативно настроенного духовенства в XIX в. и запрета большевиками в начале XX в.

Следует упомянуть о некоторых молодежных праздниках, справляемых летом до или после Джиена. Так, молодежь села Кошар до начала джиенов устраивала увеселение «Дөм-дөмгә төшү» (посещение Дэм-дэм)[51], подобный обычай в Азнакаеве назывался «Яшьләр җыены» (Джиен молодежи)[52]. Парни села Большой Менгер Атнинского района Татарстана в одну из летних ночей забавлялись тем, что снимали с петель и прятали ворота, переносили на другое место срубы, бревна, дрова. Увеселение, где, как видим, снимались некоторые запреты, носило название «Капка урлау бәйрәме» (Праздник умыкания ворот) или «Гашүрә бәйрәме» (Праздник Гашура)[53].

Джиены, проводимые в юго-восточных районах Татарстана на территории современных Мамадышского, Нижнекамского, Сармановского, Тукаевского, Муслюмовского районов, отличались от праздников Заказанья тем, что на них одной из основных частей праздника был майдан. Здесь проводились состязания, подобные сабантуйским.

Поэтическое описание джиенов, проводимых в юго-восточных районах Татарстана, а также в Башкортостане в начале XX в., оставил Шаехзада Бабич. Представляют интерес детали,

показывающие размах праздника. Так, подъезжающие на парах и тройках разукрашенных коней гости одаривали деревенскую детвору, встречавшую их у околицы, мелкими монетами. Гостями Джиена были и мусульманские священнослужители, коих в течение всего праздника беспрестанно угощали, приглашая из дома в дом[54].

Вся незабываемая прелесть и красота Джиена проистекала из участия в нем молодежи, особенно девушек. Он и воспринимался как праздник молодежи.

Джиены, таким образом, способствовали укреплению родственных связей, дружеских отношений и обновлению чувств добрососедства. Среди участников праздника царили взаимоуважение, добропорядочность, предупредительное отношение молодых к старшим, покровительственное отношение старших к молодым. На Джиене не бывало нарушителей общественного порядка, никто не напивался, не дебоширил и не сквернословил.

Однако после революции джиены начали утрачивать свои былые, характерные только для них, особенности.

Джиены отмечались до 1930-х гг., а в ряде районов Татарстана, например, в Татар Буасы — Малой Буинке и других селах Буинского района, свидетелем которых был и автор этого исследования, — до 1950-х гг. Парни и девушки из трех сел: Татар Буасы (центр), Карлы (слева) и Тюнгашей (справа) — шли навстречу друг другу, напевая любимые песни под аккомпанемент гармони-тальянки. Затем образовывали три круга — три майдана, которые постепенно сливались в единый большой майдан, и там начинались круговые пляски и игры. Исследователь джиенов Заказанья Н. Бурганова описала подобный обряд при проведении «Бырыс җыены» («Катык җыены»), устраивавшегося в долинах сел, расположенных на левом берегу Меши, Шали, Пелева, Татарский Янтык, Старая Ирга, Новая Ирга, Черемышева[55]. Это был добрый обычай, который, вероятно, бытовал и в других местах. На наш взгляд, его можно было бы включить и в программу современных межаульных сабантуев, вобравших в себя многое из джиенов.

Исследователь Д. М. Исхаков упоминает о проведении джиенов в Закамье вплоть до начала 1970-х гг. Причину прекращения Джиена как праздника сельской общины он связывает с массовой коллективизацией на селе[56]. Но надо иметь в виду, что в исчезновении Джиена свою роль сыграл комплекс политических и социально-экономических факторов.

Свои богатые традиции джиены передали Сабантую, празднование которого было перенесено на лето, примерно на то же время, когда проводились джиены. Вместе с тем трудно согласиться с исследователями, которые происхождение самого Сабантуя увязывают с Джиеном, рассматривая Сабантуй как завершающую, в виде представления, часть Джиена[57]. На наш взгляд, уже первоначально у этих двух праздников были разные функции, на что указывает и разница в сроках проведения.

В 1990-е гг. Джиен благодаря усилиям энтуазистов стал возрождаться, но уже в ином, трансформированном виде.

В 1991 г. идею члена Союза журналистов СССР С. Шарипова о воссоздании забытого праздника поддержали и воплотили в жизнь жители села Шадки Сабинского (с 1992 г. — Тюлячинского) района. Утром 15 июня его жители, приглашенные гости из Пестречинского, Мамадышского, Рыбнослободского районов, Казани, Набережных Челнов, Альметьевска, Азнакаева собрались у реки Нырси. Праздник открыл аксакал села ветеран труда Салимзян-ага. Председатель районного совета народных депутатов Ф. Гильмиев в своем выступлении подчеркнул, что Джиен — древний и значимый праздник, упоминаемый еще в эпосе «Идегей». Сценарий праздника, хотя во многом и напоминал Сабантуй, имел свои особенности.

Праздник продолжился награждением передовиков труда, вручением памятных подарков юбилярам. После поздравлений и приветствий на сцену были приглашены мастера искусств, которые на целых полдня приковали к себе внимание майдана. Наряду с профессиональными артистами выступали и местные таланты. Были организованы соревнования по курэшу и конным скачкам, однако других состязаний и игр, присущих Сабантую, не было.

Состязания борцов продолжались

до вечера. Здесь мерялись силами более 60 пар. Среди них было немало умелых курэшистов из Пестречинского, Рыбнослободского районов и Казани. Абсолютным батыром стал председатель районного совета Физкультурно-спортивного общества профсоюзов Т. Мустафин, батыр сабантуев в Сабах, Мингере и Шемордане[58].

В том же 1991 г. основополагающие идеи Джиена — приглашение в гости сородичей и соседей для общения, совета, всеобщего веселья — были использованы Фондом сохранения и развития татарского языка и культуры для организации общереспубликанского Джиена. Он состоялся с 20 по 23 июня в Казани и Болгаре с участием представителей из районов Татарстана, а также гостей из Турции, Финляндии, Австралии, Германии, Швеции, Японии[59]. Программа Джиена состояла из трех частей: 20 июня — благотворительный концерт и спортивные состязания на Центральном стадионе г. Казани; 21-22 июня — театрализованное представление «Сөембикә кыйссасы» (Сказание о Сююмбике) на территории Казанского Кремля; праздник в Болгаре, посещение памятных мест; 23 июня — Сабантуй с участием молодежи из Набережных Челнов, Нижнекамска и Казани, концерт художественной самодеятельности.

Все праздничные действа были связаны единой режиссурой, осуществлявшейся под руководством народного депутата Татарстана главного режиссера Татарского государственного театра драмы и комедии имени К. Тинчурина Д. Сиразиева и композитора М. Шамсутдиновой. К организации Джиена были привлечены творческие коллективы не только со всего Татарстана, но и из Москвы и городов СССР. Над звуковым и световым оформлением работали специалисты «Мосфильма», а также из Ленинграда, Саратова[60].

В 1991 г. взял старт и Джиен татарской молодежи. Праздники с участием известных творческих коллективов, деятелей искусств Татарстана и гостей из Башкортостана прошли в Казани (29 июля на Центральном стадионе им. В. И. Ульянова-Ленина), Набережных Челнах (30 июля на стадионе «Строитель») и Бавлах (4 августа на стадионе «Нефтяник»).

А сами Дни молодежи проходили с 22 июля по 2 августа в молодежном лагере «Волга». В них участвовало свыше 300 делегатов из Уфы, Самары, Баку, Ташкента, Риги, Новосибирска, Москвы, Ленинграда, а также из Амурской области, Эстонии, Турции, Австралии и Румынии. На форуме обсуждались злободневные вопросы истории и языка, проводились вечерние игры с песнями и плясками, дискотеки и другие мероприятия. На встречу с лучшими представителями татарской молодежи приехали известные писатели, композиторы, артисты, ученые, народные депутаты. В программе были также поездка в древние Булгары, Тукай-Кырлай, участие в Сабантуе, оказание помощи в восстановлении мечетей.

Джиеном был назван и форум татарской молодежи, съехавшейся в конце июня 2004 г. в г. Казань. Это первая масштабная встреча, на которую прибыли около 500 молодых представителей татарской нации из разных стран, чтобы познакомиться со своей исторической родиной, сохранить обычаи своего народа[61].

В начале 1990-х гг. была предпринята попытка организовать Джиен предпринимателей, представителей отдельных профессий[62]. И думается, именно это значение Джиена, судя по опыту, как своеобразного народного схода из года в год будет возрастать.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Н. И. Воробьев, Г. М. Хисамутдинов. – М., 1967. – С. 211.
2. Древнетюркский словарь / Авт.-сост. Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева и др. – Л., 1969. – С. 199-266; Татарско-русский словарь. – М., 1966. – С. 77.
3. Татар халык мәкальләре / Төз. Н. Исәнбәт. – Казан. – 1959. – 3 т. – Б. 82, 85.
4. Из рукописной книги XVIII в., обнаруженной в д. Шугеево. Из личного архива Д. Х. Гарифуллина.
5. Татары Среднего Поволжья... – С. 202.
6. Там же. – С. 197.
7. Бурганова Н. Б. О системе народного праздника Джиен у казанских татар (исследование и прило-

жение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. – Казань, 1982. – С. 32.
8. Татары Среднего Поволжья... – С. 196-198.
9. Бурганова Н. Б. Указ. соч. – С. 21.
10. Идел. – 1995. – № 6. – Б. 54-58; Социалистик Татарстан. – 1991. – 21 май.
11. Из личного архива автора.
12. Бурганова Н. Б. Указ. соч. – С. 30-31.
13. Из личного архива автора.
14. Баязитова Ф. С. Татар халкының бәйрәм һәм көнкүреш йолалары. – Казан, 1995. – Б. 44-52.
15. Из личного архива автора.
16. Бурганова Н. Б. Указ. соч. – С. 41.
17. Баязитова Ф. С. Күрс. хез. – Б. 23, 31.
18. Гарипова Ф. Г. Татарстан гидронимнары сүзлеге. – Казан, 1990. – 2 т. – Б. 308.
19. Шунда ук. – 1 т. – Б. 64.
20. Шунда ук. – 2 т. – Б. 63, 166, 308.
21. Древнетюркский словарь... – С. 10.
22. Гарипова Ф. Г. Күрс. хез. – 2 т. – Б. 166, 283.
23. Шунда ук. – 1 т. – Б. 170.
24. Шунда ук. – Б. 201.
25. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. – Казан, 1977. – 2 т. – Б. 467.
26. Древнетюркский словарь... – С. 367.
27. Там же. – С. 326.
28. Бурганова Н. Б. Указ. соч. – С. 64.
29. Фрэзер Д. Золотая ветвь. – М., 1983. – С. 598-607.
30. Салмин А. Народная обрядность чувашей. – Чебоксары, 1994. – С. 57.
31. Миннияхметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. – Ижевск, 2000. – С. 34, 65.
32. Хаджиева Т. Х. Эстетическая и утилитарно-магическая функции календарных песен балкарцев и карачаевцев (весенне-летний цикл) // Календарно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа: Сб. ст. – Махачкала, 1988. – С. 62.
33. Бурганова Н. Б. Указ. соч. – С. 37.
34. Там же. – С. 35.
35. Там же. – С. 62.
36. Там же. – С. 60-61.
37. Там же. – С. 24.
38. Из личного архива автора.
39. Заман. – 1999. – 25 июнь.
40. Тощаков Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев XIX — начала XX веков. – Новосибирск, 1978. – С. 33.
41. Из личного архива автора.
42. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. – М., 1989. – С. 24, 50.
43. Тимергалин А. Миллият сүзлеге // Казан утлары. – 2004. – № 8. – Б. 168.
44. Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 2000. – Т. 2. – С. 215.
45. Бурганова Н. Б. Указ. соч. – С. 34; Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. – Йошкар-Ола, 1979. – Т. 1. – С. 45.
46. Бурганова Н. Б. Указ. соч. – С. 42, 44, 47.
47. Татары Среднего Поволжья... – С. 197-198.
48. Бурганова Н. Б. Указ. соч. – С. 42.
49. Календарные обычаи и обряды... – С. 48.
50. Бурганова Н. Б. Указ. соч. – С. 43.
51. Из личного архива М. И. Ахметзянова.
52. Там же.
53. Там же.
54. Бабич Ш. Зәңгәр җырлар. – Казан, 1990. – Б. 38-39.
55. Бурганова Н. Б. Указ. соч. – С. 43.
56. Исхаков Д. Кама аръягы җыеннары // Идел. – 1995. – № 6. – Б. 55.
57. Шәһри Казан. – 1991. – 10 июль.
58. Гомәр Г. Шәткедә бәйрәм // Социалистик Татарстан. – 1991. – 18 июнь; Галимуллина Г. Национальный праздник в Шадках // Вестник района. – 1991. – 27 июня.
59. Рәхматуллина Р. Әйдә барыйк, җыен карыйк // Социалистик Татарстан. – 1991. – 18 июнь.
60. Булатов Н. Сөембикә турында җыр // Ватаным Татарстан. – 1991. – 25 июнь; Миңхаҗ Р. Җыен булгач, җыелгач... // Социалистик Татарстан. – 1991. – 28 июнь.
61. Шәһри Казан. – 2004. – 25 июнь; Республика Татарстан. – 2004. – 26 июня.
62. Татарстан хәбәрләре. – 1993. – 28 июль.

Дамир Шарафутдинов,
доктор исторических наук